

БЕРНАРД ШОУ

<Из рецензии на книгу «Что такое искусство?» Л. Н. Толстого>

Как и все дидактические сочинения Толстого, эта книга подобна замаскированной mine взрывного действия. Она написана с таким явным пренебрежением к любому возражению, которое способен выдвинуть против нее рутинер, что многие поверхностные критики увидели в ней нечто вроде мишени, созданной самим провидением для того, чтоб они смогли продемонстрировать свою меткость в стрельбе. Ведь, право, немудрено разделаться с простаком, рассуждающим о Троянской войне как об историческом событии.

Тем не менее Толстого можно гораздо легче понять в этой книге, чем в его христианских посланиях, потому что искусство в настоящее время является темой, значительно более популярной, чем христианство. У большинства людей сложилось ошибочное представление, будто Толстой-христианин — это какой-то свихнувшийся евангелист.

На самом же деле, позиция Толстого, с точки зрения евангелистов, столь же оригинальна, сколь и богохульна. То, что евангелисты объявляют откровением, нисходящим на беспомощного человека в результате божественного промысла, Толстой считает лишь проявлением здравого смысла, столь очевидным, что, по его мнению, упоминание об этом в Евангелии попросту излишне.

«...Мало того, — говорит он, — мне теперь кажется, что если бы и не было Христа и его учения, я бы сам открыл эту истину, — так она мне теперь кажется проста и ясна...»¹ С точки зрения слепых приверженцев Библии, трудно представить себе большее богохульство. И снова он говорит: «Душа моя, пожалуйста, ради Бога истины, которой вы служите, не торопитесь, не горячитесь, не придумывайте доказательств справедливости ваше-

го мнения прежде, чем не вдумаетесь не в то, что я напишу вам, а в Евангелие, как слово Христа или Бога и т. п., а в Евангелие, как самое ясное, простое, всем понятное и практическое учение о том, как надо жить каждому из нас и всем людям».

Что делает подобную точку зрения особенно устрашающей для христиан, чувствующих, что она несет осуждение их вечному противлению злу? Да тот факт, что сам Толстой обладает богатым и разнообразным опытом мирской жизни, весьма далекой от праведности. Было бы глупо тратить время на то, чтобы доказывать с чувством собственного превосходства, что идеи Толстого нереальны, короче говоря — безрассудны.

Мы не можем не ощутить жалающей силы, с которой Толстой бросает нам вызов, вопрошая: чего вы достигли и до чего дошли, придерживаясь противоположных принципов?

Без сомнения, кое-кого этот вызов может и не затронуть. Но не от того ли происходит это, что Толстой видит мир как бы со стороны, находясь вне сцены, на которой разыгрываются политические страсти и общественная жизнь, тогда как многие из нас варятся в самой ее гуще и потому слепы? Ибо — увы! Именно те, кто стал жертвой иллюзий нашей цивилизации, склонны считать безумцами провидцев, проникших в сущность этих иллюзий.

Если Толстой так досадил обществу, критикуя его с позиций человека, живущего жизнью этого общества, то вряд ли он стал ему более приятен, когда выступил, будучи сам первоклассным художником, с критикой искусства. Любимых публикой литературных божков Толстой буквально сжигает в испепеляющем пламени. Естественно, что он не дает спуска и тому огромному потоку полубредовой литературы, который захлестнул нашу страну.

Он не терпит чепухи, особенно беззастенчивой чепухи, как бы тщательно и пышно она ни была зарифмована или аллитерирована. Будучи безжалостным к самому себе, он никого не оставляет в покое, разделяется с Редиардом Кипплингом и с французскими декадентами, высмеивает Вагнера. Конечно, ценность этого труда Толстого — не в конкретных критических суждениях, многие из которых, говоря по правде, лишь свидетельствуют о консерватизме во вкусах и взглядах на искусство. Чтобы оправдать эти вкусы и взгляды, свойственные человеку в преклонном возрасте, Толстой предлагает критерий, в высшей степени характерный для него как русского дворянина. Истинное произведение искусства, утверждает он, всегда будет распознано неискушенным восприятием крестьянина. Следовательно, Девятая симфо-

ния Бетховена, не будучи популярна среди русского крестьянства, не является истинным произведением искусства!

Но предоставим Девятой симфонии самой постоять за себя. Вместе с тем нельзя не подивиться тому, что все русские революционеры дворянского происхождения проявляют безграничную, на наш взгляд, веру в добродетели бедняка. Ни у одного английского помещика никогда не возникнет сомнений относительно того, как поступит английский батрак, если ему предоставят возможность выбрать между ноктюрном Шопена, любимым Толстым и признаваемой им за истинное произведение искусства какой-нибудь из мюзикхолльных новинок. Мы прекрасно понимаем, что простота, которая свойственна быту крестьян, объясняется только бедностью, и что стоит только кому-нибудь из них получить солидное наследство, как простота эта немедленно исчезнет. Мы знаем, что равенство, которое, как полагают богатые, существует среди трудового люда (ибо сами они не видят между ними никаких различий), — не более чем иллюзия, и что социальные различия, к сожалению, еще более остро воспринимаются в низших слоях общества, чем во всех других, если не считать самого дна, где у людей не хватает самоуважения даже для того, чтобы быть снобами. Итак — либо неграмотное, темное русское крестьянство вовсе не испытало на себе влияния европейской цивилизации (в отличие от нашего, которое такому влиянию подвергалось), либо же дистанция между крестьянами и дворянством в России столь велика, что два этих класса не имеют понятия друг о друге и заполняют пробел в своих представлениях, дав волю самой безудержной фантазии. Как бы то ни было, ясно одно: русские аристократы, Кропоткин и Толстой, выступающие как защитники народа, склонны считать, что трудящиеся классы полностью избавлены от пороков, безумств и предрассудков, присущих буржуазии.

